УДК 930:94(430).85

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЭРНСТ ЮНГЕР И АНТИГИТЛЕРОВСКИЙ ЗАГОВОР 20 ИЮЛЯ 1944 Г. В ГЕРМАНИИ

В статье предпринимается попытка анализа участия германского писателя и консервативного мыслителя в антигитлеровском заговоре 20 июля 1944г., направленном на убийство фюрера Третьего рейха А. Гитлера с целью изменения политического режима в Германии и поиску политического решения, направленного на прекращение Второй мировой войны. Предметом исследования выступает степень участия и взаимодействия Э. Юнгера с заговорщиками, принимавшими участие в антигитлеровском заговоре, его круг знакомств среди заговорщиков и вовлеченность в заговор. Его служба в штабе германских оккупационных войск во Франции, в Париже позволяла ему как офицеру отдела 1с быть в курсе антинацистских позиций руководства германских войск. В статье рассматриваются личные контакты Э. Юнгера с заговорщиками и оценивается степень его вовлеченности в заговор, и его личной готовности принимать в нем непосредственное участие. Исследуется отношение Э. Юнгера к антигитлеровскому заговору в различный период его жизни, в военное и послевоенное время. Заговор 20 июля 1944 г. представляется рубежом в военной биографии Э. Юнгера и его участии во Второй мировой войне в качестве капитана вермахта. Он подводил черту под его антинацистской позицией в годы войны и выступал этапом к переосмыслению его жизни и выходу на новый, послевоенный этап немецкого писателя, удивившегося от политических дискуссий.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, нацистская Германия, оппозиция нацизму, заговор 20 июля 1944 г., немецкая оккупация Франции, германский консерватизм.
DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-7-13

Введение. Нацистская политика в Германии в годы Второй мировой войны, ее начавшиеся неудачи на фронтах, привели к складыванию военной оппозиции режиму среди части генералов и офицеров вермахта. Круг заговорщиков ориентировался на смену руководства Германии и изменении политического курса, нацеленного на начало переговоров с Антигитлеровской коалицией на предмет обсуждения прекращения войны. Основной акцент ими делался на устранение фюрера Третьего рейха А. Гитлера путем его убийства, что позволило бы им устранить основную преграду на пути возможных переговоров с членами антигитлеровской оппозиции, так как они прекрасно понимали, что сам А. Гитлер никогда не пойдет на подобные переговоры, и антигитлеровская коалиция не будет ничего обсуждать с ним. Только смерть А. Гитлера была возможностью для Германии прекратить войну до того, как она перешла бы на территорию страны.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является изучение антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г. в Германии. Предметом исследования выступает степень участия германского писателя и консервативного мыслителя, капитана вермахта Эрнста Юнгера в парижской группе заговорщиков. Исследование опирается на принципы историзма, историко-системный метод и принципы новой интеллектуальной истории.

Результаты и их обсуждение. Капитан вермахта Эрнст Юнгер в 1941 г. был переведен стараниями начальника штаба полковника Х. Шпейделя в отдел 1с в качестве офицера по особым поручениям. Именно там он оказался в окружении будущих заговорщиков 20 июля 1944 г. и практически сразу очутился в центре консервативной оппозиции А. Гитлеру. Опасные знакомства и общения после 20 июля уже были основанием для серьезных подозрений. Выражаясь языком того времени, Э. Юнгера можно было легко обвинить как в антинацистских подрывных беседах, так и в пораженческих настроениях, под которыми понимался любой критический анализ современности и германской политики. Дневник, который он вел в оккупированном Париже, скрывался от посторонних лиц, хотя иллюзорность подобной безопасности была понятна ему. «Мои личные заметки и дневники я держу в <Мажестик> под надежным замком. Ввиду того что по поручению Шпейделя я обрабатываю бумаги как об операции <Морской лев>, так и <о борьбе за власть во Франции между командующим и партией>, в моей комнате установлен особый стальной

© Артамошин С.В.
© Artamoshin S.V.

сейф. Впрочем, все эти бронированные ящики – лишь символ личной неприкосновенности; если она будет под вопросом, взорвут и самые крепкие замки»[4.С.51-52]. Служба в Париже, вдалеке от линии фронта, было зоной безопасности, но даже там Э. Юнгер ощущал свое особое положение, выделявшее его среди многих офицеров. Среди знакомых ему офицеров были те, кого раздражала манера действий оккупационной администрации, а со временем она переросла в жесткое противопоставление политической и военной власти. В своем развитии это была оппозиционная группа офицеров, которая старалась сохранить воинское достоинство в условиях политических войн, все более превращавшихся в войну без правил. Для Э. Юнгера это знакомство с ними оказалось судьбоносным, так как на долгие годы укрыло его от фронта в пространстве Парижа. Большую роль в этом сыграл полковник Ханс Шпейдель. 13 ноября 1941 г. Э. Юнгер отмечал, что «под его эгидой мы образовали внутри военной машины ячейку, своего рода пребывающий в чреве Левиафана рыцарский орден, стремящийся сохранить сердце для слабых и беззащитных»[4. С. 57-58]. Это был не обязательно круг заговорщиков, хотя некоторые из них и примкнули потом к заговору, а скорее напоминал собой круг офицеров, живших традицией прежней германской армии. Однако при этом они не могли уклониться от политических приказов, издаваемых администрацией в Париже или Берлине, и их репрессивные действия, пусть и пропущенные сквозь внутренние переживания и протесты, тем не менее, заставляли их реализовывать жесткую политику управления.

После войны Э. Юнгер обобщил этот опыт и высказал предположение о том, что его крах определялся недостатком воли, совершенно не поясняя, что он имеет в виду. Но даже если согласиться с этим, то еще большее безволие проявлял он сам, как на страницах дневника, так и в собственных действиях после провала заговора, стремясь избавиться от любых намеков на причастность к нему. В записи от 24 сентября 1945 г. он выступал как наблюдатель, сочетавший анализ с автобиографическими отступлениями, иллюстрирующими кризис воли. В первую очередь парижский круг в отеле «Георг V» носил консервативный антинацистский характер. Вовлечение в него Э. Юнгера было осуществлено Х. Шпейделем, возложившим на него обязанности составление аналитических документов, отражавших взаимоотношения политической и военной администрации в Париже. Первый из них назывался «Борьба за власть во Франции между партией и вермахтов», в котором отражались особенности взаимоотношений оккупационных властей. Второй из них «К вопросу о заложниках. Описание имевших место случаев и их последствий» касался практики расстрела заложников за террористические атаки французского Сопротивления в отношении немецких военнослужащих. Э. Юнгер полагал, что они создавались с целью их использования «в случае ожидаемых политических перемен», связанные с документальной основой легитимации действий заговорщиков. Конечно, возможность их использования в случае успеха допускается, но также следует рассматривать их как аргументированную оправдательную защиту генерала О. фон Штюльпнагеля от обвинений в воинских преступлениях. Опасность подобных документов состояла в их фактическом существовании и нахождении в сейфе Э. Юнгера, что очень его беспокоило. Он отмечал, что «само существование этих и других письменных документов внушало мне все больше тревоги; уже тогда, когда я уезжал на Кавказ, мне было очень неприятно, что они там остаются». Ограниченный круг офицеров, в котором Э. Юнгер вращался, виделся ему как пережиток старой армии, к которому он относил и себя, но с дистанции наблюдателя, общение с ними давало ему чувство внутреннего спокойствия из-за наличия единомышленников. Но важно подчеркнуть, что это общение было очень осторожным и не выходило за рамки безопасности. Э. Юнгер подчеркивал противопоставление этой позиции официальному курсу власти. «Разумеется, общение с людьми, которые воспринимали все иначе, думали иначе, чем политические деятели, было приятно, это был оазис в условиях того времени. Но было очевидно, что у них недостаточно воли. Дурным знаком казалось то, что главной движущей силой для них было ощущение этического дискомфорта. <Тут мало надеть белый жилет>, - такая мысль то и дело невольно приходила на ум. Гитлер рассматривал их просто как компанию людей с устарелыми предрассудками. <...> Они и впрямь принадлежали к отмирающему виду. Наглядное подтверждение дало 20 июля 1944 года; тут же нельзя было

обойтись без пролития крови, будь то кровь противника или своя собственная. Возможно, эта попытка так и так закончилась бы неудачей, но кто знает, какие силы пробудила бы эта кровь?» Активные изменения на Западном фронте и оставление немецкими войсками Парижа способствовали, по его мнению, тому, что ряд заговорщиков смогли избежать преследования, «иначе ему бы (парижскому штабу – С.А.) не избежать более тщательной проверки, чем та, что была проведена». Его же собственные действия ничем не отличались от предшествующих, как в 1933-1934 гг., и выражались в уничтожении любого намека на причастность. «Я воспользовался случаем, чтобы в третий раз пересмотреть свои бумаги; множество писем, среди прочих и письма Генриха фон Штюльпнагеля, две вышеупомянутые работы и другие были тогда отправлены в печку. В какой-то момент я чуть было не решил отправить туда же мое эссе о мире. Однажды начав жечь, постепенно входишь во вкус. Между тем здесь в Кирххорсте, в туже ночь 20 июля были спрятаны в надежное место мои бумаги. <...> Можно было предвидеть, что за этим последует большое кровопускание, как это и произошло в действительности, к сожалению, даже в тюрьмах. Те, кто стоял у власти, стали подумывать, что ей скоро придет конец, и отдавали приказы казнить заключенных, которых они долгое время придерживали. Наши домашние пережили тогда беспокойную ночь, они трудились, не покладая рук, сновали в промежутках между воздушными тревогами туда и сюда, зато к утру в доме не осталось ни одного письма. Таким образом, сохранилось, как я вижу теперь, сочинение о заложниках, причем остался экземпляр с пометками Отто фон Штюльпнагеля»[2. С. 232-233].

Служба Э. Юнгера при штабе в Париже была достаточно странной в смысле неожиданного перехода из строевой части в штаб, но верно воспринималось, как желание обезопасить его от военных опасностей. Сам парижский штаб привлекал к себе внимание Берлина как «заповедник консерваторов». Э. Юнгер вошел в так называемый «круг Рафаэля», образование которого он относил к январю 1942 г.: «Празднование дня рождения в <Рафаэле>, когда мне впервые стало ясно, что все его обитатели надежны. Подобное сегодня возможно, только если выбор шел по внутреннему, скрытому кругу. Злая шутка Филиппа над Кньеболо стала сигналом к откровенному разговору. Принуждение, осторожность разделяют сегодня людей, как будто их лица скрываются под масками; когда маски спадают, неистовое веселье овладевает всеми»[4. С.77-78]. Парижский штаб и его главнокомандующий снискали себе славу центра прусской военной оппозиции, как его называл Э. Юнгер. «белого штаба». Попытка противостояния радикализму СС и германского посольства, заставляли рассматривать их как консервативную оппозицию, за которой наблюдали. Со слов подполковника Хофаккера, сказанных Э. Юнгеру, «за окружением Штюльпнагеля там наблюдают с величайшим недоверием. Самыми подозрительными, сообщил Хофаккер, считают священника Дамрата и меня»[1. С.557]. Из этого совершенно не следует, что Э. Юнгер играл какую-то особую роль в парижском окружении, тем более близком к кругу заговорщиков, скорее странность его положения при штабе и известность имени способствовали его выделению, также нельзя сбрасывать со счетов личную антипатию к нему, например, генерал-фельдмаршала В. фон Кейтеля. Нам представляется необходимым подчеркнуть, что подозрительность здесь является синонимом странного положения, отсутствием четкого понимания того, чем он конкретно занимается.

Э. Юнгер считал, что парижский штаб сохранял в себе традиции и дух пруссачества, тень ушедшей кайзеровской эпохи в противоположность народным вождям, поднятым на поверхность толчком демократических преобразований. Он определял его как «фронду» берлинскому центру, проблема которой состояла в несоответствии времени. То, что парижский генералитет и прусские чиновники были лишь тенью прошлого, ослабляло их позиции, при всех моральных преимущества сопротивления в стратегической перспективе они были обречены проиграть. Пограничность положения Э. Юнгера между аристократической элитарностью и брутальной народностью позволяли ему лучше чувствовать обреченность всего дела. В конце апреля 1944 г. он заметил, что «если знать Штюльпнагеля, Попица и Йессена, к тому же еще Шуленбурга и Хофаккера, то картина фронды в тотальном государстве будет завершена. Очевидно также, что ведущей становится моральная субстанция, а не политическая. В действии она слабее, и поэтому ситуация только бы улучшилась, если б явился какой-

нибудь Сулла, пусть даже в лице обычного народного генерала»[1. С.571].

В силу служебного положения и обстоятельств круга общения Э. Юнгер был знаком с главнокомандующими оккупационными войсками во Франции, происходившими из старинного рода фон Штюльпнагелей. Служба в Париже дала ему возможность познакомиться с еще двумя фон Штюльпнагелями – Отто фон Штюльпнагелем, которого называли «черным» и его двоюродным братом Генрихом фон Штюльпнагелем, которого называли «рыжим», сменившего его на посту главнокомандующего оккупационными войсками во Франции. Отто фон Штюльпнагель в обществе, проживавших в отеле «Рафаэль», получил прозвище «король Щелкунчик». Э. Юнгер вспоминал, что «он отличался любезностью, был нервным и его окружала атмосфера какой-то меланхолии». При этом он указывал на специфичность занимаемого им поста отмечая, что «должность военного начальника, проконсула в оккупированной Франции вовсе не давала такой самодержавной власти, как представляли себе парижане. Это была административная должность, доставлявшая много забот и мало славы. По-настоящему вся военная власть находилась в руках главнокомандующего Западного направления, которым тогда был Рундштедт, а после него Клюге - <умный Ганс>, который отравился после 20 июля»[2. С. 227-228]. С Карлом-Генрихом фон Штюльпнагелем у него сложились близкие отношения. Записывая свои впечатления от первого знакомства с ним, он подчеркивал существенную разницу между ним и его предшественником, как в манере поведения, так и в содержании бесед. На первой встрече 10 марта 1942 г. «мы говорили о ботанике и византийской истории, в которой он сведущ. <Андроник> стало для него теперь ключевым словом. <...> В отличие от своего предшественника и двоюродного брата, он, без сомнения, обладает непринужденностью, придающей ему аристократизм. Его украшает улыбка, привлекающая к нему людей. Это сказывается во всем, прежде всего в его обходительности»[4. С. 110]. Э. Юнгер чувствовал не только его поддержку, но и связывал с ним защищенность собственного положения в парижском штабе, полагая, что смещение главнокомандующего будет означать для него перевод в боевое подразделение. Он считал, что это будет напоминать пилатовский акт умывания рук со стороны его недоброжелателей, который будет «несколько попахивать духами», сопровождаемый фразой: «Мой любезный Ю., Вашему дарованию здесь негде развернуться. Поэтому мы отправляем вас на <диспозицию>»[1. С.474]. В ходе реализации заговора 20 июля 1944 г. К.-Г. фон Штюльпнагель произвел массовые аресты нацистских деятелей в Париже, которые, после общего провала заговора в Берлине, пришлось обреченно выставлять как учебные действия. Вызванный в Ставку, К.-Г. фон Штюльпнагель неудачно пытался застрелиться, но в результате лишь ослеп и потом был повешен в Берлине. После смерти он приснился Э. Юнгеру: «Во сне сидел за ночной трапезой с верховным главнокомандующим и думал про себя: <Смертный приговор вы ему вынесли несправедливо>. При этом видел на его виске светлую рану от пистолетного выстрела»[3. С. 637].

Близость Э. Юнгера к руководителям парижского заговора 20 июля 1944 г. не означало его участия в нем. Он не входил в круг заговорщиков, скорее всего по личным мотивам, вызванным его осторожностью и неверием в практику покушений. Фактически его поведение в 1920-е гг. не поменялось и в 1940-е гг. Можно предположить, что это ощущалось и офицерами, вовлеченными в заговор, поэтому он узнал о нем по факту. В дневниках хронология заговора прослеживается следующим образом. Он сообщает о нем 21 июля 1944 г.: «Вчера стало известно о заговоре. <...> Свершивший покушение – граф Штауффенберг. Я слышал его имя еще от Хофаккера. Это укрепило меня во мнении, что в такие поворотные моменты в действие вступает старая аристократия. По всем данным, эта акция вызовет чудовищную расправу. И все трудней будет сохранить маску, - так, сегодня утром я затеял перепалку с одним товарищем, который обозначил происшедшее как <неслыханное свинство>. Сам я при этом убежден, что покушения мало что меняют и уж, во всяком случае, ничего не улучшают. <...> После полудня в самых узких кругах распространилось сообщение, что главнокомандующий уволен со своего поста и отозван в Берлин. Как только пришло известие с Бендлерштрассе, он приказал арестовать все части СС и Службы безопасности, чтобы тут же освободить их: после того как он должен об этом Клюге в Ла-Рош-

Гюйоне, уже не оставалось никакого сомнения в том, что покушение провалилось. <...> Поражает сухость, деловитость этого ареста – его основанием послужил простой телефонный звонок коменданту Большого Парижа. <...> К тому же – крах Роммеля 17 июля, ибо вместе с ним сломался единственный столб, поддерживавший смысл подобного мероприятия. <...> тело не лечат во время кризиса, а если и лечат, то все сразу, а не один какой-нибудь его орган. Даже если бы операция удалась, у нас вместо одного нарыва появилась бы их целая дюжина, с кровавыми судами в каждой деревне, на каждой улице, в каждом доме»[1. С. 609-610]. В этой записи отчетливо видно, что Э. Юнгер не только дистанцируется от заговора как участник, но и считает ошибочным сам способ покушения, успех которого способствовал бы не консолидации, а наоборот, расширению репрессий и сведению счетов. Можно обратить внимание на то, что какого-то пассажа, связанного с угрозой ему лично здесь нет, что также подтверждает его отдаленность от заговорщиков. Последующая запись от 22 июля фиксирует сведения о судьбах и содержит уже моральное одобрение обреченного дела. Он отметил, что «вчера на пути в Берлин Генрих фон Штюльпнагель пытался застрелиться, однако остался жив, но потерял зрение. <...> Вот каковы нынешние жертвы и как раз – в узком кругу последних рыцарей, свободных умов, тех, кто умеет мыслить и чувствовать по ту сторону глухих страстей. И все же жертвы нужны, ибо они созидают внутреннее пространство и предотвращают падение нации как целого, как монолита, - падение в страшные недра судьбы»[1. С.610-611]. Судьба Г. фон Штюльпнагеля лишний раз подчеркивала его обреченность после неудачи заговора. Он отмечал, что «первый вопрос генерала, когда он, ослепший, очнулся, относился к обустройству лазарета; он спросил, доволен ли им главный врач. Его уже плотным кольцом окружали санитары, они же его и сторожат; он – пленник»[1. С.611].

Не будучи знакомым с Штауффенбергом, Э. Юнгер записал рассказы о нем со слов других. Они превращались в яркие характеристики личности, но отличались оценочными суждениями. Так, 15 июня 1945 г. он оставил свидетельство о Штауффенберге: «20 июля 1944 годы мы вспомнили и Штауффенберга. Узнав об этом, Роммель сказал: <Неужели там не нашлось ни одного капитана с армейским пистолетом?> <...> Покушения вообще представляют собой мнимое решение, как и самоубийство; они переносят проблемы в другую, но не лучшую плоскость. <...> Гитлер о Штауффенберге еще задолго до покушения: <От взгляда этого одноглазого полковника у меня всегда появляется неприятное чувство>. <...> в таких делах Гитлер проявлял интуитивное предчувствие»[2. С. 136]. В его дневниках записи о событиях 20 июля и его участниках очень редки, что вполне понятно, особенно в отношении периода до поражения, так как это несло в себе конкретную опасность. Тем не менее, они есть и становились свидетельством событий. 5 ноября 1944 г. он отметил, что «на кофе пришел генерал Лёнинг в сопровождении Шенка и Дильса. У Дильса особое умение заглядывать в политическую преисподнюю, особенно хорошо он осведомлен об истории создания государственной полиции, которую сам основал. От него я услышал леденящие кровь подробности о страданиях друзей и знакомых перед казнью. Шуленбурга среди других, арестованных вместе с ним, президент Народного суда именовал не иначе как <мерзавец Шуленбург> или <преступник Шуленбург>. Один раз, когда этот палаческий прислужник оговорился, нечаянно обратившись к нему <граф Шуленбург>, тот поправил его с легким поклоном: <Мерзавец Шуленбург>. Черта, весьма для него красноречивая»[3. С.645]. Вместе с тем, нельзя сказать, что он предавал этому событию большое значение, являясь наблюдателем, он мог позволить себе лишь эпизодические личностные зарисовки в отношении отдельных участников.

И все-таки, какова его связь с участниками заговора 20 июля 1944 г.? Можно утверждать о том, что речь может идти о личных, а не политических контактах. Он был знаком с некоторыми из них. Возможно, вел с ними пессимистические разговоры, но, во-первых, он сам не стремился принять участие в круге заговорщиков, и это главное, а во-вторых, оппозиционная группа офицеров, понимая нечеткость его позиции, считала невозможным посвящать его в суть процесса, так как удовлетворять его любопытство в смертельной игре было бы полным безумием.

Когда в начале сентября 1944 г. Э. Юнгер оказался в Ганновере, написал рапорт о «переводе в резерв командования», ссылаясь

на боли в желудке. Увольнение со службы было дано 16 сентября, но лишь спустя месяц из штаба корпуса пришло предписание об этом. Насколько это было связано с событиями 20 июля? Сложно сказать. Учитывая напряженную ситуацию лета 1944 г., волну арестов, не оглядываясь на фамилии и должности, практически невозможно было выпасть из пристального внимания политической полиции. Следует подчеркнуть, что Э. Юнгер даже не задерживался для допроса вообще, а просто, достаточно странно в условиях идущей войны, без всяких внешних причин, при очень неопределенном медицинском заключении о каких-то болях в желудке, отправлен в отставку. Странность данного решения, когда на счету был каждый боевой офицер, не имеет документального объяснения. Склонность Э. Юнгера наводить таинственность на серые страницы своей биографии, позволяли ему спустя годы, в интервью, намекать на то, что и он был причастен к военному сопротивлению Гитлеру. 1 февраля 1980 г. он отмечал, что «я чувствовал себя в большей безопасности в стрелковых окопах под Верденом и на Сомме, нежели в Париже Второй мировой войны. Тому были причины, которые трудно понять снаружи, но которые стали видны 20 июля 1944 года – большинство боевых товарищей, живших со мной в <Рафаэле>, были повешены, покончили самоубийством либо исчезли в застенках накануне поражения. То, что я не разделил их судьбу, всегда воспринималось мною как незаслуженное счастье, за которое я благодарен»[5. С. 655]. Однако, кроме опасных связей, которые стали таковыми в 1944 г., но для штабного офицера не могли быть таковыми до начала заговора, ему нечего было предъявить. В 1985 г. внезапно было опубликовано письмо председателя суда Народной палаты Роланда Фрайслера к руководителю партийной канцелярии НСДАП Мартину Борману, в котором указывалось о связи Э. Юнгера с рядом заговорщиков и личном распоряжении А. Гитлера прекратить в отношении его каких-либо преследование. Оно указывало не только на связь Э. Юнгера с заговорщиками, но и на вмешательство в данное дело лично А. Гитлера. Учитывая ту яростную беспощадность, которую проявлял А. Гитлер к тем, кто был связан с попыткой его убийства, маловероятно, что он был склонен к христианскому прощению. Здесь ничто, даже призраки прошлого, заслуги окопного рубаки, которые А. Гитлер реально уважал в офицерах, не могли бы спасти от возмездия. Сам Э. Юнгер настолько хотел в это поверить, что счел правдой и подтверждал справедливость данного сюжета. Однако проведенная экспертиза Федеральным архивом в г. Кобленц доказала, что данный документ был фальшивкой, что показал Франк Ширрмахер в публикации во «Frankfurter Allgemeinen Zeitung» от 23 октября 1992 г.[6. S.530].

Заключение (выводы). Осознание приближающегося поражения в мировой войне подталкивало Э. Юнгера после отставки со службы в вермахте подготовиться к предстоящим изменениям. Германский исследователь Х. Швилк считал, что увольнение со службы поставило Э. Юнгера в опасное положение, так как теперь он не мог надеяться на защиту армии, т.е. на военную юстицию и военный трибунал, от политических преследований, т.е. подсудности суду Народной палаты[7. S. 436]. Однако здесь следует учитывать нюанс ситуации. Если до покушения 20 июля обвинения в политической неблагонадежности и тем более политических преступлениях с меньшей долей вероятности можно было както смягчить для офицера с послужным списком и военными наградами, то после совершения покушения это было совершенно невозможно. Подобные обвинения ставили точку в судьбе офицера, вне зависимости от заслуг и вермахт не был крепостью, в которой можно было укрыться. Обвинения в участии в антинацистской деятельности становились роковыми. Однако никто Э. Юнгеру такого обвинения не предъявлял. Именно это ускользает из внимания исследователей. Сам же Э. Юнгер, еще раз подчеркнем это, дистанцировался от политического участия и в январе 1945 г. готовился к жизни после нацизма. Устойчивое избегание Э. Юнгером каких-либо теневых политических групп и участия в сомнительных с точки зрения успешности мероприятия не могло сделать его заговорщиком 20 июля 1944 г. Он переступил черту радикализма, к которому уже больше не вернулся никогда. Тем не менее заметно, что еще до реализации заговора 1944 г. он сформировал собственную политическую позицию, подчеркнем, именно позицию, а не политическую программу какого-либо политического объединения.

Список литературы

1. Юнгер Э. Второй Парижский дневник// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)/Пер. с нем. – СПб., 2002. – 782 с.
2. Юнгер Э. Годы оккупации/Пер. с нем. – СПб., 2007. – 367 с.
3. Юнгер Э. Кирххорстские листки// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)/Пер. с нем. – СПб., 2002. – 782 с.
4. Юнгер Э. Первый Парижский дневник// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)/Пер. с нем. – СПб., 2002. – 782 с.
5. Юнгер Э. Семьдесят минуло: дневники 1971-1980/ Пер. с нем. – М., 2015. – 728 с.
6. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2007. – 718 s.
7. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biographie. – Stuttgart, 2014. – 646 s.

ERNST JÜNGER AND THE ANTI-HITLER PLOT OF JULY 20, 1944 IN GERMANY

This article attempts to analyze the participation of the German writer and conservative thinker in the anti-Hitler plot of July 20, 1944, aimed at assassinating the Fuhrer of the Third Reich, A. Hitler, in order to change the political regime in Germany and find a political solution aimed at ending World War II. The subject of the study is the degree of participation and interaction of E. Jünger with the conspirators who took part in the anti-Hitler plot, his circle of acquaintances among the conspirators and his involvement in the plot. His service at the headquarters of the German occupation forces in Paris allowed him, as an officer of Department 1C, to be aware of the anti-Nazi positions of the leadership of the German troops. The article examines E. Jünger's personal contacts with the conspirators and assesses the degree of his involvement in the conspiracy, and his personal readiness to take direct part in it. The attitude of E. Jünger to the anti-Hitler conspiracy at different periods of his life, during the war and post-war time, is examined. The July 20, 1944, plot represents a turning point in Erich Jünger's military biography and his participation in World War II as a Wehrmacht captain. It marked the end of his anti-Nazi stance during the war and marked a turning point in his rethinking his life and entering a new, post-war phase as a German writer bewildered by political debate.
Keywords: Ernst Jünger, Nazi Germany, opposition to Nazism, July 20, 1944 plot, German occupation of France, German conservatism.

References

1. Yunger E. (2002) Vtoroj Parizhskij dnevnik[The Second Parisian Diary]// Yunger E. Izlucheniya (fevral' 1941 – aprel' 1945)/Per. s nem. – SPb., 2002.
2. Yunger E. (2007) Gody okkupacii [Years of occupation]/Per. s nem. – SPb., 2007.
3. Yunger E. (2002) Kirhhorstskie listki [Kirchhorst Leaflets]// Yunger E. Izlucheniya (fevral' 1941 – aprel' 1945)/Per. s nem. – SPb., 2002.
4. Yunger E. (2002) Pervyj Parizhskij dnevnik [The First Paris Diary]// Yunger E. Izlucheniya (fevral' 1941 – aprel' 1945)/Per. s nem. – SPb., 2002.
5. Yunger E. (2015) Sem'desyat minulo: dnevniki 1971-1980 [Seventy Minutes: Diaries 1971–1980]/ Per. s nem. – M., 2015.
6. Kiesel H. (2007) Ernst Jünger. Die Biographie.[Ernst Jünger. The Biography.] – München, 2007.
7. Schwilk H. (2014) Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biographie.[Ernst Jünger. A Life in the Century. The Biography.] – Stuttgart, 2014.

Об авторе

Артамошин Сергей Викторович - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия); e-mail: artamoshinsv@mail.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich - Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia); e-mail: artamoshinsv@mail.ru